

УДК 902.01/930
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-125-138

Плоскодонная посуда эпохи неолита Зауралья и Западной Сибири: история формирования основных концепций ее изучения

А. Ф. Шорин

*Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Выделено 3 этапа изучения неолитических памятников Зауралья и Западной Сибири с плоскодонной посудой. На первых двух анализировались памятники единственной в регионе культуры, содержащей представительные комплексы керамики с плоским дном – боборыкинской. Время ее существования на втором этапе изучения определено третьей четвертью VI – первой четвертью IV тыс. до н. э., т. е. поздним неолитом. Работами В. Т. Ковалевой и ее учеников первоначально обосновывалась автохтонная линия развития культуры от ранне-неолитической кошкинской. Но затем стал декларироваться пришлый ее характер как результат миграции в Зауралье раннеземледельческого населения Передней Азии и Кавказа. На третьем этапе исследованиями в Барабинской лесостепи и Среднем Приобье возраст новых памятников с плоскодонной посудой удревнен до VII–VI тыс. до н. э., показано их отличие от боборыкинских. Началась оценка таких памятников как нового самостоятельного культурно-хронологического явления в неолите Зауралья и Западной Сибири.

Ключевые слова

Зауралье, Западная Сибирь, неолит, плоскодонная керамика, боборыкинская культура, историография

Для цитирования

Шорин А. Ф. Плоскодонная посуда эпохи неолита Зауралья и Западной Сибири: история формирования основных концепций ее изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 125–138. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-125-138

Flat-Bottomed Ceramics of the Neolithic in the Trans-Urals and Western Siberia: The History of the Formation of the Basic Concepts of Its Study

A. F. Shorin

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The history of the study of the Neolithic site with flat-bottomed ceramics of the Trans-Urals and Western Siberia is considered. Until the end of the 20th Century, such complexes in the region were correlated with the Boborykino culture. The formation of ideas about the main components of this culture determined the essence of the first two stages of the study of culture (from 1961 to the first decade of the 20th Century).

Results. At the first stage, in the publications of K. V. Salnikov and L. Ya. Krizhevskaya, the characteristic features of the newly identified culture are defined: flat-bottomed ceramics with original ornaments and the microlithic character of flint inventory; the chronological positions of the culture are determined by the Eneolithic – Early Bronze Age. At the second stage, in the publications of V. T. Kovaleva and her colleagues, the Boborykino culture is assigned to the second stage of the development of ceramic ornamental traditions of the Neolithic Trans-Urals. The culture dates from the third quarter of the 6th – the first quarter of the 4th millennium BC. Initially, the autochthonous line of devel-

© А. Ф. Шорин, 2020

opment of this culture from the early Neolithic Koshkino culture was substantiated. However later the alien character of this culture as a result of migration in the Trans-Urals of the early agricultural population of the Near East and the Caucasus began to be declared. At the third stage, by researching new archaeological sites in the Baraba forest-steppe and Middle Ob region, the age of archaeological sites with flat-bottomed ceramics was raised to the 7th – 6th millennium BC; the difference between local ceramics and Boborykino complexes was shown. The comprehension of sites with flat-bottomed ceramics of the period 7th – 6th millennium BC began as a new independent cultural-chronological phenomenon in the Neolithic of the Trans-Urals and Western Siberia.

Conclusion. A version of the autochthonous origin of the Baraba culture is expressed. However, migration theories of the appearance of such archaeological sites in the north of Eurasia in their variations can also be discussed.

Keywords

Trans-Urals, Western Siberia, Neolithic, flat-bottomed ceramics, Boborykino culture, historiography

For citation

Shorin A. F. Flat-Bottomed Ceramics of the Neolithic in the Trans-Urals and Western Siberia: The History of the Formation of the Basic Concepts of Its Study. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 125–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-125-138

Введение

Неолитические комплексы с плоскодонной керамикой Зауралья и Западной Сибири практически до конца XX в. соотносили с боборыкинской культурой. Сосуды с плоским дном также встречались, но в единичных экземплярах, на памятниках кошкинской традиции. В конце XX – начале XXI в. в регионе было исследовано более десятка новых неолитических памятников с плоскодонной посудой, которая не вписывалась полностью в каноны боборыкинской орнаментальной концепции. Радиоуглеродные даты, уходящие в VII–VI и даже начало VIII тыс. до н. э., также старше времени существования боборыкинской культуры. Не совпадает и регион их распространения: новые памятники тяготеют не к горно-лесной и лесостепной зонам Зауралья, бассейну Тобола и ее притоков, а к более северным и восточным регионам – к Среднему Приобью и Прииртышью. Тем самым назрела насущная потребность переоценить культурно-хронологические позиции этих новых объектов, в которых нередко на ранних этапах их изучения усматривалось тождество или близкие параллели боборыкинским материалам.

Анализ этапов изучения проблемы

Историография боборыкинской культуры на первое десятилетие XXI в. освещена в специальной монографии [Ковалева, Зырянова, 2010. С. 9–24]. Это избавляет от повторения всех нюансов ее изучения и дает возможность дать только краткий анализ основных концепций, что были выдвинуты в то время. Основное же внимание сосредоточено на формировании тех новых концептуальных положений, которые определили развитие проблемы неолитической плоскодонной посуды в Зауральско-Западно-Сибирском регионе на современном этапе. Анализ основных работ, в которых шло формирование этих новых гипотез, раскрытие их сущности и перспектив дальнейшего исследования, определяет цель и задачи данной статьи.

В формировании знаний по собственно боборыкинской культуре можно выделить два этапа, в каждом из которых представления об этой культуре существенно развивались. На первом этапе работами К. В. Сальникова [1961a; 1961b; 1962] и Л. Я. Крижевской [1977] определены характерные черты вновь выделенной культуры: плоскодонная посуда с оригинальной орнаментацией накольчатой техникой без использования гребенчатого штампа и микролитичный характер кремневого инвентаря. Установлены и ее хронологические позиции в рамках энеолита – ранней бронзы. На втором этапе, который в целом приходился на 70-е и последующие годы XX и начала XXI в., работами В. Т. Ковалевой и ее коллег боборыкинская культура была отнесена ко второму этапу линейно-накольчатой линии развития керамических традиций неолита Зауралья. Случаи прямой стратиграфии, а также имеющаяся в настоящее время база радиоуглеродных дат позволили датировать боборыкинскую культуру третьей четвертью VI – последней четвертью V тыс. до н. э. [Шорин, Шорина, 2020. С. 45]. Обосновывалась автохтонная линия развития культуры от ранненеолитической кош-

кинской, но с участием вновь приходивших в Зауралье групп населения из южных областей. Расширен ареал боборыкинской культуры. Помимо двух основных локальных регионов – Среднее Зауралье и Притоболье, в него включены памятники Нижнего Приишимья, в частности Мергень-6, и Северного Зауралья с прилегающим к нему регионом Кондинской низменности – памятники Усть-Вагильский Холм, Сумпанья IV [Ковалева, 1989; Ковалева, Зырянова, 2010]. В Тагило-Исетским междуречье выделен еще один локальный вариант боборыкинской культуры – басьяновский [Шорин и др., 2015].

Но в итоговой монографии 2010 г. В. Т. Ковалева и ее соавтор С. Ю. Зырянова принципиально поменяли свои взгляды на происхождение культуры. Они отказались от признания генетической связи между кошкинской и боборыкинской традициями. Сопоставляя орнаментальные композиции некоторых сосудов и «утюжков» с памятников боборыкинского типа (эти артефакты рассматриваются как выразители космогонических и космологических представлений. – *А. III.*), они пришли к выводу, что знаково-мифологическая символика этих предметов может быть интерпретирована только на фоне анализа подобных находок, происходящих с памятников культур южной зоны Евразии. Это позволило авторам сделать вывод, что боборыкинская культура является результатом миграции в центральную зону Северной Евразии раннеземледельческого населения с Ближнего Востока и из Передней Азии, прежде всего из Северной Месопотамии и с Кавказа [Ковалева, Зырянова, 2010. С. 255–272, 282–285]. Однако пути этих мигрантов «не оставили сколько-либо значительных следов... поскольку памятники и отдельные вещи пока единичны... В конечном счете, эти группы мигрантов в новых природных условиях сменили систему жизнеобеспечения, образ жизни, формы социальной организации и, по всей вероятности, навсегда утратили связь со своей коренной территорией» [Там же. С. 286].

Но «утюжки» – категория поликультурная. Сходство же отдельных сосудов боборыкинской культуры и посуды поселений Ракушечный Яр в низовьях Дона, Анасеули II, Нижняя Шиловка, ряда иных памятников Кавказа [Там же. С. 281–286. Рис. 158, 159] весьма отдаленное. Все это не оставляют места оппонентам для какой-либо научной критики данной теории.

Важно отметить, что еще до публикации указанной итоговой монографии, начиная с конца 80-х гг. XX в., в боборыкинской проблематике появилась диаметрально противоположная оценка керамических комплексов поселений, расположенных в тюменском Притоболье (Юртобор-3) и Приишимье (Мергень-3, -6) (см. [Зах, 1987; Зах, Скочина, 2009] и др.¹). Начавшаяся дискуссия, в которой активно участвовали В. Т. Ковалева и В. А. Зах, фактически положила начало третьему этапу формирования, еще в не совсем осознанном виде, новой концепции оценки памятников, которые пока традиционно интерпретировали как боборыкинские.

В основу точки зрения, последовательно развиваемой В. А. Захом и его коллегами, были положены два основных источника. Первый – это полученные по углю из жилищ 1 и 2 поселения Юртобор-3 очень древние даты – 7701 ± 120 ВР (УПИ-559) и 9025 ± 70 ВР (СОАН-5311), которые уводили боборыкинский комплекс в начало атлантического периода [Зах, 2009. С. 22. Табл. 2]. Второй – это своеобразные керамические комплексы, особенно поселения Мергень-3, -5, -6 в Нижнем Приишимье, в которых, по мнению В. А. Заха, боборыкинские декоративно-морфологические черты «иногда просто неразличимы с кошкинскими» [Там же. С. 167]. На основе этого в Тоболо-Ишимском междуречье исследователь выделяет первоначально дефиницию «боборыкинско-кошкинский комплекс», а затем «боборыкинскую культуру», но в новом ее понимании. В ней выделены два хронологических этапа: ранний боборыкинский, прежде всего представленный поселениями Юртобор-3, Мергень-3,

¹ Объем статьи не позволяет привести здесь и далее по тексту ссылки на все статьи В. А. Заха и его коллег, как и В. В. Боброва и его учеников, В. И. Молодина и его соавторов. Ссылки приводятся прежде всего на те работы, где впервые выделяются новые комплексы плоскодонной керамики и высказываются принципиальные положения по их интерпретации. Но автор знаком и с другими работами этих исследователей.

и кошкинский – соответственно Мергень-5, -6 и др. [Зах, 2009. С. 149–180]. Формирование боборыкинской культуры в понимании В. А. Заха связано с миграцией по долинам Тургая, Ишима и Тобола в конце бореального – начале атлантического периода незначительных и сначала эндогамных южных групп населения из районов Приаралья и Прикаспия, где наблюдалась глубокая аридизация климата [Там же. С. 145–149]. Один из маркеров этого движения – керамика, близкая к боборыкинской. Но, по мнению В. А. Заха, энеолитический возраст ее В. Н. Логвиным был определен неправильно [Логвин, 1991. С. 28–31]. Наряду с керамическим производством, аналоги которому искали в материалах Орловской, Варфоломеевской стоянок и Джангар Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, мигранты принесли в таежную зону геометрические микролиты, каменные наконечники стрел и «утюжки». Таежные аборигены восприняли эти новые технологические традиции, переняли навыки изготовления глиняной посуды, но «орнаментировали ее по-своему, возможно, адаптируя к керамике используемые для других материалов приемы декорирования» [Зах, 2009. С. 149]. Местное мезолитическое население в результате экзогамных браков также приняло участие в формировании раннеэнеолитической культуры. Оно передало некоторые достижения в каменной индустрии, а также способствовало появлению в орнаментации посуды наряду с отступающе-накольчатой также гребенчатой традиции орнаментации [Там же. С. 149, 181–184, 257]. Время существования боборыкинской культуры определено первой половиной VI – V тыс. до н. э. в некалиброванных значениях [Там же. С. 252, 275. Рис. 117], а ранний боборыкинский этап по двум датам по углю из поселения Юртобор-3 был отнесен к VII тыс. до н. э. уже в калиброванных значениях дат [Зах, 2018. С. 28]. Шесть же из семи дат, полученных с поселения Мергень-6 (по В. А. Заху, это кошкинский этап боборыкинской культуры), укладываются в сравнительно узкий диапазон рубежа VII–VI тыс. до н. э., и только одна моложе фактически на 1 000 лет [Скочина, 2017]. Таким образом, боборыкинские, как и боборыкинско-кошкинские комплексы в понимании В. А. Заха, появляются гораздо раньше, чем «классические» боборыкинские в Среднем и Южном Зауралье; возраст последних – не ранее третьей четверти VI тыс. до н. э.

С 2006 г. близкие к боборыкинским комплексы начали исследоваться В. В. Бобровым и его учениками в Барабинской лесостепи на поселениях Автодром-1, -2/2, Старый Московский Тракт-5 (СМТ-5). Эти памятники расположены в Венгеровском районе Новосибирской области на террасе левого берега р. Тартас недалеко друг от друга (см. [Бобров и др., 2006; 2019; Бобров, Марочкин, 2012] и др.). Специфической чертой вновь выявленного культурного явления для Барабинской лесостепи явился прежде всего комплекс плоскодонной слабопрофилированной посуды, как правило, толстостенной, с утолщением на ребре дна, с использованием обвязочного шнура при формировании венчика. Большая часть посуды без орнамента. Техника нанесения узоров на орнаментированных сосудах предельно устойчива: доминирует прочерчивание и присутствует техника накола. Орнаментальные мотивы, напротив, стандартностью не отличаются. Присутствуют в орнаментальных композициях (которые чаще занимают только зону шейки, реже $\frac{2}{3}$ тулова, в единичных случаях всю поверхность и дно) как простые, так и сложные элементы: различные вдавления, ряды горизонтальных и вертикальных прямых линий и зигзагов, различные варианты косой сетки, заштрихованные треугольники и пр. [Бобров и др., 2012. С. 7–9. Рис. 2]. В основе каменной индустрии, а сырье на поселения с предварительной его подготовкой перед доставкой было приносимым из Казахского мелкосопочника, лежало пластинчатое расщепление при большом значении вкладышевой техники. Из отщепов изготавливались только скребки, практически отсутствовали и крупные бифасы [Бобров и др., 2012. С. 5–7. Рис. 1, 4–25; Бобров, Марочкин, 2013. С. 213]. Аналоги жилищным конструкциям, керамическому, включая «утюжок» [Бобров и др., 2012. Рис. 1, 26], и каменному инвентарю, особенно пластинам со скошенным торцом, В. В. Бобров и его коллеги первоначально видят в материалах боборыкинской культуры Зауралья и Нижнего Приишимья. Поэтому они рассматривают отдаленные на расстояние около 500 км памятники Барабы «как маркер миграции групп боборыкинского населения из

Среднего Зауралья на восток, вдоль лесостепного и предтаежного пояса Западной Сибири. Возможно, данный конкретный факт является отражением длительных процессов, связанных с перемещением боборыкинцев из Притоболья в районы Приишимья» [Бобров и др., 2012. С. 9]. Они считают, что «материалы Автодрома-2/2 имеют сложившийся боборыкинский облик и не могут быть связаны с гипотетическим “предбоборыкинским” субстратом» [Там же. С. 9–10]. Оставив вопрос о возможной нижней дате подобных комплексов Барабы, исследователи отмечали случаи перекрывания их артынскими, констатируя более древний возраст боборыкинских комплексов (не позднее середины V тыс. до н. э. в калиброванных значениях дат) [Бобров и др., 2012. С. 12; Бобров, Марочкин, 2013. С. 212].

С середины второго десятилетия в том же микрорайоне бассейна Тартаса, где расположены поселения Автодром-1, -2/2, СМТ-5, В. И. Молодиным и его коллегами открыты стоянки Усть-Тартас-1, Тартас-1, Венгерovo-2 с аналогичной плоскодонной посудой [Молодин и др., 2017; 2018. Рис. 1]. Для этих стоянок характерны крупные плоскодонные сосуды, выполненные в технике трех-четырёхслойного лоскутного налёпа, с расформованным в плоскую площадку венчиком, вытянутым по вертикали туловом, резко сужающимся к придонной части; на изломе венчиков фиксируются каналы от выгоревшего обвязочного шнура. Орнаментация выполнена прочерчиванием и накольчатой техникой. Орнаментом покрывалась вся поверхность изделия, включая дно. Композиция асимметрична и нестандартна даже на одном сосуде [Молодин и др., 2017. С. 174]. Другие артефакты, исходя из хозяйственной специфики тартасских стоянок (на них, вероятно, велась заготовка и переработка рыбных запасов), многочисленны. На памятнике Усть-Тартас-1 кроме костей рыб, животных и птиц упоминается скребок и массивный наконечник стрелы из кремнистых пород, а также 2 костяных орудия, явно предназначенных для чистки рыбы [Там же. С. 174]; на стоянке Тартас-1 – орудия из кости и лопатки лося [Молодин и др., 2019б. Рис. 5, 2, 4], а на стоянке Венгерovo-2 – костяной гарпун [Молодин и др., 2018. С. 47–48. Рис. 7]. Радиоуглеродные даты определили возраст этих стоянок в пределах VII тыс. до н. э., включая рубежи VI и VIII тыс. до н. э. [Молодин и др., 2018. С. 39, 44–47. Рис. 5, 6; Молодин и др., 2019а; 2019б;]. Имеющийся разброс радиоуглеродных дат в пределах тысячелетия, по мнению авторов, «вновь демонстрирует хорошо известную проблему разброса радиоуглеродных датировок в границах одного комплекса, что объясняется целым набором неоднозначных для различных памятников, порой вообще труднообъяснимых явлений... включающих, в том числе, и несовершенство метода» [Молодин и др., 2018. С. 45]. Не исключается и «возможность достаточно длительного обитания в Барабинской лесостепи в неолите носителей традиции изготовления плоскодонной посуды» [Там же. С. 47].

В отличие от кемеровских, новосибирские ученые не стали связывать исследованные комплексы региона с боборыкинскими мигрантами из Зауралья, а обратили внимание на оригинальность керамического комплекса стоянок Усть-Тартас-1, Тартас-1. Посуда этих стоянок имела отличия от классической боборыкинской как в технологии лепки, так и в своеобразии набора орнаментальных композиций, а серия радиоуглеродных дат показала, что она существенно старше. В отличие от боборыкинской культуры Зауралья в понимании В. Т. Ковалевой, даты которой не старше третьей четверти VI тыс. до н. э., основной массив дат этих стоянок укладывается, как уже отмечено, в VII тыс. до н. э. Это позволило В. И. Молодину и его коллегам выделить в Барабинской лесостепи автохтонную раннеолитическую культуру, названную барабинской [Молодин и др., 2017. С. 172]. К ней же они отнесли и памятники, исследованные кемеровскими археологами. К такой интерпретации поселений Автодром-1, -2/2 и СМТ-5 стали склоняться, видимо, и В. В. Бобров с коллегами. При анализе материалов последнего из названных памятников термин «боборыкинский» уступает место нейтральному термину «комплекс плоскодонной керамики эпохи неолита (VI – первая половина V тыс. до н. э.)» [Бобров и др., 2019. С. 334].

Западносибирские памятники с плоскодонной посудой – таежные и лесостепные, оцениваются В. И. Молодиным и его соавторами как культурно-хронологическое явление общеисто-

рического и стадийного характера, в основе своей, вероятно, автохтонное. К нему помимо стоянок Барабинской лесостепи отнесены поселения таежного Приобья Амня I, Каюково-2, Барсова Гора II/9 [Морозов, Стефанов, 1993; Ивасько, 2002; Чемякин, 2009] и отмечена бесперспективность поиска их истоков в неолите лесостепного и степного Поволжья и тем более территории российского Дальнего Востока [Молодин и др., 2018. С. 49].

Новые радиоуглеродные даты с городища Амня I [Дубовцева и др., 2019. С. 157–158. Рис. 6] и поселения Каюково II [Чаиркина и др., 2019. С. 144], еще более убеждают, что эти памятники являются важными источниками по формированию раннеолитических комплексов с плоскодонной посудой в северном регионе Западной Сибири. В литературе уже отмечалось, что в оформлении раннеолитических комплексов с плоскодонной посудой (в трактовке пока еще как развитие ранних боборыкинских традиций), локализованных в Тоболо-Ишимском междуречье и далее на севере Зауралья и в прилегающих регионах Западной Сибири, определяющее значение мог играть не южный, восточноевропейско-среднеазиатский, а северный или восточный западносибирский вектор [Шорин, Шорина, 2020. С. 51, 53].

Такая новая трактовка поселений с плоскодонной посудой, которые старше и расположены вне пределов основного ареала боборыкинских памятников, Среднего Зауралья, курганского и тюменского Притоболья, позволяют с других позиций взглянуть по крайней мере на две «застарелые» проблемы в историографии боборыкинской культуры.

Первая из них – это содержание боборыкинской культуры в понимании В. А. Заха; тем более что и после публикации раннеолитических комплексов с плоскодонной посудой Барабы точка зрения исследователя на боборыкинскую культуру особых изменений не претерпела. «Плоскодонная и круглодонная посуда в Притоболье, Приишимье, Прииртышье, Барабинской лесостепи и на северных территориях схожа по форме и орнаменту и выглядит как продукт развития уже существующей (боборыкинской. – *А. Ш.*), привнесенной керамической традиции» [Зах, 2018. С. 20]. При смещении на какие акценты анализа тоболо-ишимских комплексов с плоскодонной посудой точка зрения В. А. Заха может оказаться не убедительной? Прежде всего, это комплекс поселения Юртобор-3, легший, по Заху, во многом в основу выделения раннего, боборыкинского, этапа, боборыкинской культуры. Это поселение содержит керамический комплекс, по декоративно-морфологическому оформлению [Зах, 2009. Рис. 21–23, 72] мало чем отличающийся от большинства других зауральских боборыкинских. И находится оно в ареале распространения боборыкинских памятников на расстоянии около 60 км от «классических» стоянок этой культуры, расположенных на Андреевском озере в бассейне Тобола. Для этого памятника получено 4 даты: 8 349–7 963 и 6 591–6 478 кал. л. до н. э. (обе по углю), 6 106–5 836 кал. л. до н. э. (по нагару) и 5 226–4 724 кал. л. до н. э. (по ¹⁴C из фрагмента керамики). Первая из этих дат явно уходит в мезолит. Для даты по нагару не определен возможный резервуарный эффект, который часто значительно удревняет даты. Четвертая же дата больше соответствует тому хронологическому интервалу, что определен для боборыкинских комплексов Среднего и Южного Зауралья [Мосин и др., 2017. С. 66–68. Табл. 1, 14, 15].

Поэтому характер орнаментальных композиций керамического комплекса, территориальное расположение его в ареале боборыкинских памятников, а также видимая нестыковка дат, несмотря на возражение В. А. Заха в одной из последних работ [2018. С. 25–26], заставляют быть очень осторожным в определении реального возраста боборыкинского комплекса поселения Юртобор-3, а значит, выделения на его основе раннего боборыкинского этапа одноименной культуры.

Другим ключевым памятником является поселение Мергень-6, которое в культурно-хронологической схеме В. А. Заха маркирует второй, кошкинский, этап боборыкинской культуры. Этот памятник от поселения Юртобор-3 находится на расстоянии около 200 км к востоку и уже в другом речном бассейне – не Тобола, а Ишима. В отличие от Юртобора-3, комплекс поселения Мергень-6 оригинален, поскольку органично сочетает черты как кошкинских, так и боборыкинских керамических традиций, но полностью не адекватен ни той, ни другой

[Зах, 2009. Рис. 36–41; Зах, Еньшин, 2015. Рис. 1, 1–8]. Тем самым он, по моему мнению, представляет самостоятельное культурное явление в ином археологическом микрорайоне, связанном с бассейном Ишима и оторванным от основного массива кошкиных и боборыкинских памятников бассейна Тобола. Основу этого самостоятельного культурного явления составляет, скорее всего, кошкинский компонент, что подтверждено и датами памятника, которые, как отмечалось ранее, тяготеют, кроме одной, к рубежу VII–VI тыс. до н. э. А это время формирования самой ранней в Зауралье неолитической культуры – кошкинской [Шорин, Шорина, 2020. С. 37]. В кошкинский компонент органически включена плоскодонная керамика, имеющая безусловные ассоциации с той, что называют боборыкинской. Наличие же внутри шеек некоторых сосудов канальчиков, оставшихся от сгоревшего шнура [Зах, 2009. С. 170], является признаком, характерным и для посуды барабинской культуры [Молодин и др., 2017. С. 174]. Но для понимания генезиса оригинального комплекса поселения Мергень-6, его места в системе «классических» кошкиных и боборыкинских памятников нужно, видимо, дополнительное накопление источниковой базы. Сам же памятник Мергень-6 имеет большее отношение к проблеме формирования в лесостепной и таежной (Прииртышско-Приобской) части Западносибирского региона ранней плоскодонной керамики, нежели к развитию этого явления на его заключительной стадии – оформлению «классической» боборыкинской культуры на позднем этапе неолита. Как это происходило – проблема, видимо, будущих исследований.

Таким образом, основания схемы культурогенеза в виде приоритета боборыкинских древностей над кошкиными, предложенной для Тоболо-Ишимского междуречья В. А. Захом и поддержанной его коллегами, на уровне анализа современной источниковой базы не могут рассматриваться как убедительные.

Вторая важная проблематика – это определение места посуды сатыгинского типа в контексте комплексов с плоскодонной керамикой севера Зауралья и Западной Сибири. Он выделен Л. П. Хлобыстиным еще в 80–90-е гг. XX в. на материалах многослойных поселений Сумпанья IV и др. в бассейне р. Конда. Тип характеризовался как «ямчато-валиковый», главные его признаки – орнаменты из неглубоких вдавлений и вытяжные, реже налепные валики, как правило, украшающие плоскодонные горшки под венчиком примерно на трети сосудов комплекса. Горшки толстостенные, изготовлены небрежно из рыхлого теста, имеют кольцевой выступ у дна, невысокое качество обжига, украшены простыми орнаментами в виде ямок наколов, прочерченных линий, но на части сосудов дополненными фигурами в виде фестонов, столбиков, следов птичьей лапки, составленными теми же наколами. Как констатировал Л. П. Хлобыстин, «из всех выделенных для Зауралья и Западной Сибири типов керамики сатыгинская посуда больше всего сходна с боборыкинской» [1993. С. 33–34]. Но в то же время автор отмечал, что точное определение критериев выделения и отнесения к боборыкинской культуре сатыгинского керамического инвентаря «еще не может быть объявлено установленным» [Там же. С. 34].

Несмотря на осторожную оценку первооткрывателем состояния источниковой базы изучения данного типа керамики, В. Т. Ковалева и С. Ю. Зырянова без особого прироста новых источников признали этот тип посуды неотъемлемой частью боборыкинской культуры, выводя валики как специфическую деталь орнаментации посуды этой культуры из орнаментальных традиций Переднеазиатского региона [2010. С. 20–21, 287–289].

С такой оценкой сатыгинского типа керамики согласны не все исследователи. Этим типом керамики как самостоятельным культурным явлением в урало-западносибирской проблематике неолита специалисты продолжают оперировать и сейчас. На поселении Нижнее Озеро III (авторское написание названия памятника «Нижнее озеро III», см.: [Чаиркина, Дубовцева, 2014; 2016]. – А. III.) присутствие этого типа керамики в жилищах отмечается наравне с сумпаньинским и близким к кошкиному. Однако разброс радиоуглеродных дат здесь значителен [Шорин, Шорина, 2020. Табл. 8], а это делает уязвимыми выводы по времени и хронологической последовательности существования трех отмеченных на памятнике керамических

комплексов. Большинство дат по углю ставит их в самое начало неолитической эпохи: от 7 037–7 6241 (постройка 3) до 5 812–5 324 кал. л. до н. э. (постройка 1). Дата же по фрагменту сатыгинской керамики, 5 080–4 550 кал. л. до н. э., определяет место этому типу даже в позднем неолите [Там же. С. 45. Табл. 8, 1–6, 9]. Сходная ситуация с датировкой керамики сатыгинского типа наблюдается и на Усть-Вагильском Холме. Даты, полученные AMS-методом по нагару со стенок фрагментов сосудов сатыгинского типа (от 6 640–6 480 до 6 492–6 392 кал. л. до н. э., однако возможный резервуарный эффект для них не определен), могли бы поставить сатыгинские комплексы в самое начало неолита всего Зауральяского региона. Но они явно диссоциируют с датой, полученной по ^{14}C из фрагмента керамики этого же типа (4 336–3 982 кал. л. до н. э.) [Там же. С. 46. Табл. 9, 2–4, 8]. Тем самым определение места сатыгинского типа в эволюции раннеолитической плоскодонной керамики региона имеет право на обсуждение, но нуждается в проверке дополнительными источниками.

О присутствии на территории Кондинской низменности раннеолитических памятников с плоскодонной посудой свидетельствуют материалы поселения Мулымья-3, результаты раскопок которого доложены А. А. Погодиным на семинаре в Екатеринбурге в марте 2020 г. (темой семинара был анализ комплексов с плоскодонной керамикой в неолите Зауралья и Западной Сибири). Возможно, этому же хронологическому пласту соответствует и поселение Сумпанья III, которое отнесено к позднему этапу кошкинской культуры [Ковалева, 2008]. Радиоуглеродных дат для него нет. Но это единственное поселение с типом посуды, близким к кошкинскому, которое содержит не единичные сосуды с плоским дном, а целый их комплекс. В. Т. Ковалева отмечает, что в нем встречаются днища со слабо выраженными закраинами, массивные утолщения-наплывы по верху сосуда с внутренней стороны; характерен бордюр из ямочных вдавлений по верху сосуда. Это признаки, для кошкинской посуды не столь характерные [Там же. С. 133]. Аналоги такой посуде усматривают и в керамике раскопа III поселения Геологическое XVI, расположенного в этом же регионе [Кокшаров, Зырянова, 2011. С. 185–189. Рис. 2–3]. В жилище же раскопа IV этого поселения представлена плоскодонная керамика, которая определена как боборыкинская. Но керамический комплекс раскопа, как, кстати, и сосуд с поселения Большая Умытъя-2, производит впечатление архаичного: сосуды толстостенные, присутствует массивный наплыв на внутренней стороне горловины [Там же. С. 189–197. Рис. 6–8]. Поэтому данные комплексы вполне могут характеризовать не «классическую» боборыкинскую (тем более что они оторваны от основного массива примерно на 600 км), а более раннюю традицию плоскодонной посуды на территории Кондинской низменности, несмотря на дату по углю $5\,440 \pm 60$ л. н. (JE-6995), полученную со дна жилища [Там же. С. 197]. О вероятности длительного существования традиции ранней плоскодонной керамики, но для барабинской культуры, высказывались уже новосибирские археологи [Молодин и др., 2018. С. 47].

Заключение

Таким образом, следует отметить, что в изучении неолитической плоскодонной керамики Зауралья и Западной Сибири доминантным становится мнение о появлении этих комплексов не на стадии формирования позднеолитической боборыкинской культуры в Исетско-Тобольском междуречье в третьей четверти VI тыс. до н. э., а гораздо раньше – на тысячу или чуть более лет, и в северных таежных и восточных лесостепных районах Приобья и Прииртышья. В Барабинской лесостепи эти памятники локализованы в одном, тартасском, регионе и получили дефиницию «барабинская археологическая культура». Локальную группу раннеолитических памятников с плоскодонной керамикой можно выделить и в лесостепном Нижнем Приишимье. Это поселения Мергень-3, -5, -6, Боровлянка-2 и др. Но употребляемые для них дефиниции – ранний боборыкинский или поздний кошкинский (боборыкинско-кошкинский) этапы единой боборыкинской культуры, на современном уровне исследований не отражают историческую сущность явлений, представленных этими памятниками. Назрела необходимость выработки новой концепции культурогенеза Приишимья, в том числе опре-

деление роли населения, оставившего эти памятники во взаимодействии на раннем этапе неолита с кошкинской, а на позднем – в формировании «классической» боборыкинской культуры.

Разбросанность таежных сибирских памятников (причем удаление друг от друга значительное), видимое их своеобразие, которое будет возрастать по мере открытия новых памятников по берегам многочисленных сибирских рек Приобского бассейна, ставят вопрос о тех археологических дефинициях, что уместно употреблять по отношению к ним: каюковская культура [Ивасько, 2002], памятники амнинского культурного типа [Косинская, 2010. С. 37–38], сатыгинский тип керамики [Хлобыстин, 1993] и пр. Безусловно, ранненеолитические памятники с плоскодонной посудой – это культурно-хронологическое явление «общеевропейского и стадиального характера», по оценке В. И. Молодина и его соавторов [2018. С. 49]. Но каковы механизмы появления в относительно синхронный отрезок времени на столь обширной и, скорее всего, слабозаселенной территории глубинных районов Северной Евразии общих культурных явлений, в частности плоскодонной керамики, однозначно сказать пока сложно, хотя версия автохтонного происхождения комплексов во всяком случае барабинской культуры уже озвучена. Высказывалось также мнение об оценке подобных транзитных явлений с позиции иного подхода – понятия «археологическая непрерывность». Определение и содержание этого понятия предложено и раскрыто применительно к соотношению боборыкинских, басыановских и иных сходных комплексов Зауралья [Шорин и др., 2015. С. 14–16]. Имеют право на обсуждение миграционные гипотезы появления феномена плоскодонной керамики в столь раннюю неолитическую эпоху и далеко на Севере. Формы таких миграций и передачи новых технологических достижений могут быть разными: передвижка относительно больших групп инородного населения, инфильтрация в чужеродную среду небольших коллективов, навыки изготовления глиняной посуды, привнесенные извне в результате дуально-родовых браков. Возможно существование и иных путей трансляции новшеств в относительно короткие промежутки времени на значительные расстояния, что-то типа древних аналогов распространения моды. Решать эти вопросы крайне сложно, поскольку керамическое производство как важный источник для решения вопросов культурогенеза в мезолите в регионе отсутствовало, а доказательность связи местных мезолитических комплексов каменного и иного инвентаря с неолитическими нередко вызывает у археологов определенные методологические трудности, тем более что такой источник в Обско-Иртышском регионе не везде массово представлен.

Список литературы

- Бобров В. В., Марочкин А. Г.** Раскопки неолитического поселения Автодром-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 18. С. 13–18.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г.** Боборыкинский комплекс из Барабы: проблема исторической интерпретации // Вестник Том. гос. ун-та. История. Томск, 2013. № 3 (23). С. 211–214.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Соколов П. Г.** Результаты работ на поселении Автодром-2 в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 12, № 1. С. 269–273.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю.** Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Веретенников А. Ю.** Южная группа жилищ поселения Старый Московский Тракт-5 в Барабинской лесостепи (итоги работ 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 328–335. DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.328-335

- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пищонка Х.** Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки раннеолитического городища Амня I // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27) С. 149–159. DOI 10.24411/2309-4370-2019-12210
- Зах В. А.** К вопросу о боборькинской культуре // Роль Тобольска в освоении Сибири: Тез. Обл. науч. конф., посвящ. 400-летию Тобольска. Тобольск: [б. и.], 1987. С. 11–13.
- Зах В. А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Зах В. А.** Появление керамики в Западной Сибири (к обсуждению проблемы) // ВААЭ. 2018. № 4 (43). С. 20–31.
- Зах В. А., Еньшин Д. Н.** К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 34–43.
- Зах В. А., Скочина С. Н.** Ранний комплекс поселения Мергень-6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002, 2004) // ВААЭ. 2009. № 11. С. 17–30.
- Ивасько Л. В.** Укрепленное поселение каменного века Каюково-2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 7–25.
- Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Ковалева В. Т.** Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таежной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 123–134.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю.** Неолит Среднего Зауралья: боборькинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.: ил.
- Кокшаров С. Ф., Зырянова С. Ю.** Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // Вопросы археологии Урала. 2011. Вып. 26. С. 185–198.
- Косинская Л. Л.** Гл. 1. Археологические культуры Ямала. 1.1. Каменный век севера Западной Сибири // История Ямала: В 2 т. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы. С. 22–47.
- Крижевская Л. Я.** Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 128 с.
- Логвин В. Н.** Каменный век Казахстанского Приобья (мезолит – неолит). Алма-Ата: Изд-во Казах. пед. ун-та, 1991. 64 с.
- Молодин В. И., Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н.** Раннеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 172–177.
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А., Пархомчук Е. В., Райнхольд С., Петрожицкий А. В., Пархомчук В. В., Растигеев С. А.** Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019а. Т. 25. С. 157–166. DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.157-166
- Молодин В. И., Ненахов Д. А., Мыльникова Л. Н., Райнхольд С., Пархомчук Е. В., Калинин П. М., Пархомчук В. В., Растигеев С. А.** Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приобье) с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019б. Т. 47, № 1. С. 15–22. DOI 10.17746/1563-0102.2019.47.1.015-022
- Молодин В. И., Райнхольд С., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С.** Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 39–56. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56

- Морозов В. М., Стефанов В. И.** Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. 1993. Вып. 21. С. 143–169.
- Мосин В. С., Бобров В. В., Марочкин А. Г.** Новые данные по хронологии неолита и эпохи раннего металла в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 4. С. 65–73. DOI 10.17746/1563-0102.2017.45.4.065-073
- Сальников К. В.** Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. 1961а. Вып. 85. С. 3–10.
- Сальников К. В.** Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. 1961б. № 2. С. 37–48.
- Сальников К. В.** Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. Уфа: БФ АН СССР, 1962. Т. 1. С. 16–58.
- Скочина С. Н.** Каменная индустрия кошкинского комплекса поселения Мергень-6 в Приишимье // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 165–178.
- Хлобыстин Л. П.** Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad Polus (Археологические изыскания). СПб.: Фарн, 1993. Вып. 10. С. 29–37.
- Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н.** Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III // ВААЭ. 2014. № 1 (24). С. 4–13.
- Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н.** Керамика сатыгинского типа поселения Нижнее озеро III // ВААЭ. 2016. № 1 (32). С. 19–31.
- Чаиркина Н. М., Кардаш О. В., Пищонка Х., Дубовцева Е. Н., Визгалов Г. П.** Новые исследования ранненеолитических комплексов поселения Каюково-2 в Западной Сибири // V Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 143–144.
- Чемякин Ю. П.** Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. С. 198–213.
- Шорин А. Ф., Вилисов Е. В., Шорина А. А.** Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // РА. 2015. № 1. С. 5–18.
- Шорин А. Ф., Шорина А. А.** Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. 2020. № 2. С. 31–56.

References

- Bobrov V. V., Marochkin A. G.** Boborykinskii kompleks iz Baraby: problema istoricheskoi interpretatsii [Boborykinsky complex from Baraba: the problem of historical interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2013, no. 3 (23), p. 211–214. (in Russ.)
- Bobrov V. V., Marochkin A. G.** Raskopki neoliticheskogo poseleniya Avtodrom-1 v 2012 godu [Excavations of the Neolithic settlement Autodrom-1 in 2012]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2012, vol. 18, p. 13–18. (in Russ.)
- Bobrov V. V., Marochkin A. G., Sokolov P. G.** Rezul'taty rabot na poselenii Avtodrom-2 v 2006 godu [The results of work at the Autodrom-2 settlement in 2006]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2006, vol. 12, no. 1, p. 269–273. (in Russ.)
- Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu.** Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi) [Settlement of the Boborykino culture Avtodrom-2/2 (North-Western regions of the Baraba forest-steppe)]. *Vestnik arkheologii*,

- antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2012, no. 3 (18), p. 4–13. (in Russ.)
- Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Veretennikov A. Yu.** Yuzhnaya gruppa zhilishch poseleniya Staryi Moskovskii Trakt-5 v Barabinskoj lesostepi (itogi rabot 2019 goda) [The southern group of dwellings of the settlement of the Old Moscow Tract-5 in the Baraba forest-steppe (results of the work of 2019)]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, vol. 25, p. 328–335. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.328-335
- Chairkina N. M., Dubovtseva E. N.** Keramicheskie komplekсы epokhi neolita poseleniya Nizhnee ozero III [Ceramic complexes of the Neolithic era of the Nizhnee ozero III settlement]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 1 (24), p. 4–13. (in Russ.)
- Chairkina N. M., Dubovtseva E. N.** Keramika satyginского типа poseleniya Nizhnee ozero III [Satygin-type pottery of the Nizhnee ozero III settlement]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 1 (32), p. 19–31. (in Russ.)
- Chairkina N. M., Kardash O. V., Pietsonka Kh., Dubovtseva E. N., Vizgalov G. P.** Novye issledovaniya ranneneoliticheskikh komplekсов poseleniya Kayukovo-2 v Zapadnoj Sibiri [New studies of the early Neolithic complexes of the Kayukovo-2 settlement in Western Siberia]. In: V Severnyi arkheologicheskii kongress [V Northern Archaeological Congress]. Abstracts of reports. Ekaterinburg, Al'fa-Print, 2019, p. 143–144. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. P.** Okhrannye raskopki na poselenii Barsova Gora II/9, ili Dvadsat' let spustya [Security excavations in the settlement of Barsova Gora II / 9, or Twenty years later]. In: Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk, Khanty-Mansiisk, Tomsk State Uni. Publ., 2009, p. 198–213. (in Russ.)
- Dubovtseva E. N., Kosinskaya L. L., Pietsonka Kh.** Analiz veshchevogo kompleksa i novye radiouglerodnye datirovki ranneneoliticheskogo gorodishcha Amnya I [Analysis of the clothing complex and new radiocarbon dating of the early Neolithic settlement Amnya I]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Herald], 2019, vol. 8, no. 2 (27), p. 149–159. (in Russ.) DOI 10.24411/2309-4370-2019-12210
- Ivasko L. V.** Ukrepennoe poselenie kamennogo veka Kayukovo-2 [The fortified Stone Age settlement Kayukovo-2]. In: Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoj Sibiri [Materials and studies on the history of North-West Siberia]. Ekaterinburg, Ural State Uni. Publ., 2002, p. 7–25. (in Russ.)
- Khlobystin L. P.** Satygin'skii tip keramiki Zapadnoj Sibiri [Satygin type of ceramics in Western Siberia]. In: Ad Polus (Arkheologicheskie izyskaniya) [Ad Polus (Archaeological Survey)]. St. Petersburg, Farn Publ., 1993, iss. 10, p. 29–37. (in Russ.)
- Koksharov S. F., Zyryanova S. Yu.** Neoliticheskie komplekсы poseleniya Geologicheskoe XVI [Neolithic complexes of the settlement Geological XVI]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Archaeology of the Urals], 2011, iss. 26, p. 185–198. (in Russ.)
- Kosinskaya L. L.** Glava 1. Arkheologicheskie kul'tury Yamala. 1.1. Kamennyi vek severa Zapadnoj Sibiri [Chapter 1. Archaeological cultures of Yamal. 1.1. The Stone Age of the North of Western Siberia]. In: Istoriya Yamala [History of Yamal]. In 2 vols. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010, vol. 1: Yamal is traditional, book 1: Ancient cultures and indigenous peoples], p. 22–47. (in Russ.)
- Kovaleva V. T.** Neolit Srednego Zaural'ya [Neolithic of the Middle Trans-Urals]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Publ., 1989, 80 p. (in Russ.)
- Kovaleva V. T.** Poselenie Sumpan'ya III i problema kul'turno-khronologicheskoi atributsii pamyatnikov koskinskogo tipa v taehnoi zone Zapadnoj Sibiri [The settlement of Sumpanya III and

the problem of cultural and chronological attribution of sites of the Koshkino type in the taiga zone of Western Siberia]. In: Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: antiquities of the Priobye taiga]. Ekaterinburg, Surgut, Ural Publ. House, 2008, p. 123–134. (in Russ.)

- Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu.** Neolit Srednego Zaural'ya: boborykinskaya kul'tura [Neolithic of the Middle Trans-Urals: Boborykino culture]. Ekaterinburg, Study Book Publ., 2010, 308 p. (in Russ.)
- Krizhevskaya L. Ya.** Rannebronzovoe vremya v Yuzhnom Zaural'e [Early Bronze Age in the South Trans-Urals]. Leningrad, Leningrad State Uni. Publ., 1997, 128 p. (in Russ.)
- Logvin V. N.** Kamennyi vek Kazakhstanskogo Pritobol'ya (mezolit – neolit) [The Stone Age of Kazakhstan's Tobol (Mesolithic – Neolithic)]. Alma-Ata, Kazakh Pedagogical Uni. Publ., 1991, 64 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Kobeleva L. S., Mylnikova L. N.** Ranneneoliticheskaya stoyanka Ust'-Tartas-1 i ee kul'turno-khronologicheskaya interpretatsiya [Early Neolithic site Ust-Tartas-1 and its cultural-chronological interpretation]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, vol. 23, p. 172–177. (in Russ.)
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Kobeleva L. S., Nenakhov D. A., Parkhomchuk E. V., Rainkhold S., Petrozhitsky A. V., Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. A.** Novye dannye po khronologii ob'ektov barabinskoi neoliticheskoi kul'tury [New data on the chronology of objects of the Baraba Neolithic culture]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, vol. 25, p. 157–166. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2019.25.157-166
- Molodin V. I., Nenakhov D. A., Mylnikova L. N., Rainkhold S., Parkhomchuk E. V., Kalinkin P. M., Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. A.** Radiouglerodnoe datirovanie kompleksa epokhi rannego neolita pamyatnika Tartas-1 (Srednee Priom'e) s ispol'zovaniem ustanovki "Uskoritel'nyi mass-spektrometr IYaF SO RAN" [Radiocarbon dating of a complex of the Early Neolithic Age of the Tartas-1 site (Middle Priomye) using the Accelerator Mass Spectrometer of the INP SB RAS]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2019, vol. 47, no. 1, p. 15–22. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2019.47.1.015-022
- Molodin V. I., Rainkhold S., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A., Khansen S.** Radiouglerodnye daty neoliticheskogo kompleksa pamyatnika Tartas-1 (rannii neolit v Barabe) [Radiocarbon dates of the Neolithic complex of the Tartas-1 (early Neolithic in Baraba)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 39–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56
- Morozov V. M., Stefanov V. I.** Amnya I – drevneishee gorodishche Severnoi Evrazii? [Amnya I – the oldest settlement of Northern Eurasia?]. *Voprosy arkheologii Urala [Questions of Archaeology of the Urals]*, 1993, iss. 21, p. 143–169. (in Russ.)
- Mosin V. S., Bobrov V. V., Marochkin A. G.** Novye dannye po khronologii neolita i epokhi rannego metalla v lesostepnoi zone Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri [New data on the chronology of the Neolithic and the Early Metal Age in the forest-steppe zone of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2017, vol. 45, no. 4, p. 65–73. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2017.45.4.065-073
- Salnikov K. V.** Novyi variant rannebronzovoi kul'tury Zaural'ya [A new version of the Early Bronze Culture of Trans-Urals]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR [Brief Communications from the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences]*, 1961, no. 85, p. 3–10. (in Russ.)

- Salnikov K. V.** Opyt klassifikatsii keramiki lesostepnogo Zaural'ya [Experience in the classification of ceramics of forest-steppe Trans-Urals]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*], 1961, no. 2, p. 37–48. (in Russ.)
- Salnikov K. V.** Yuzhnyi Ural v epokhu neolita i rannei bronzy [The Southern Urals from the Neolithic and Early Bronze Age]. In: *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Ufa, BB AS USSR Publ., 1962, vol. 1, p. 16–58. (in Russ.)
- Shorin A. F., Shorina A. A.** Migratsii v neolite Zaural'ya v svete radiouglerodnoi khronologii [Migrations in the Neolithic Trans-Urals in light of radiocarbon chronology]. *Stratum plus*, 2020, no. 2, p. 31–56. (in Russ.)
- Shorin A. F., Vilisov E. V., Shorina A. A.** Bas'yanovskii arkheologicheskii kompleks epokhi pozdnego neolita: osnovaniya vydeleniya [Basyanovsky archaeological complex of the Late Neolithic era: grounds for allocation]. *Rossiiskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*], 2015, no. 1, p. 5–18. (in Russ.)
- Skochina S. N.** Kamennaya industriya koshkinskogo kompleksa poseleniya Mergen'-6 v Priishim'e [The stone industry of the Koshkino complex of the settlement of Mergen-6 in Priishimye]. In: *Drevnii chelovek i kamen': tekhnologiya, forma, funktsiya* [Ancient man and stone: technology, form, function]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2017, p. 165–178. (in Russ.)
- Zakh V. A.** K voprosu o boborykinskoi kul'ture [To the question of Boborykinskaya culture]. In: *Rol' Tobol'ska v osvoenii Sibiri* [The role of Tobolsk in the development of Siberia]. Abstracts of the regional scientific conference dedicated to the 400th anniversary of Tobolsk. Tobolsk, 1987, p. 11–13. (in Russ.)
- Zakh V. A.** Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya [Chronostratigraphy of the Neolithic and early metal of the forest Tobolo-Ishim]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 320 p. (in Russ.)
- Zakh V. A.** Poyavlenie keramiki v Zapadnoi Sibiri (k obsuzhdeniyu problemy) [The appearance of ceramics in Western Siberia (to discuss the problem)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 2018, no. 4 (43), p. 20–31. (in Russ.)
- Zakh V. A., Enshin D. N.** K voprosu o neolitizatsii v lesostepi Zapadnoi Sibiri [To the question of Neolithization in the forest-steppe of Western Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Kemerovo State University*], 2015, vol. 6, no. 2 (62), p. 34–43. (in Russ.)
- Zakh V. A., Skochina S. N.** Rannii kompleks poseleniya Mergen'-6 v Nizhnem Priishim'e (po materialam 1990, 2002, 2004) [Early complex of the Mergen-6 settlement in the Lower Priishimye (based on 1990, 2002, 2004)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 2009, no. 11, p. 17–30. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
16.06.2020*

Сведения об авторе

Шорин Александр Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
shorin_af@mail.ru
ORCID 0000-0002-2353-6364

Information about the Author

Alexander F. Shorin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of History and Archaeology UB RAS (Ekaterinburg, Russian Federation)
shorin_af@mail.ru
ORCID 0000-0002-2353-6364